

УДК81'367.7 – 808.5

Ф. Г. Самигулина

**ГРАММАТИЧЕСКАЯ АНТИТЕЗА
КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВАЦИИ
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СМЫСЛА В ДИСКУРСЕ**

Дается общая характеристика прагматического использования различных формообразующих суффиксов, раскрывается роль языковой категории интенсивности и ее влияние на реализацию эмоционального аксиологического коннотативного значения у данных суффиксов. В качестве иллюстрации высказанных положений проводится психолингвистический анализ грамматических антитез, взятых из художественного дискурса.

In the article general description of pragmatical usage of the different shape-generating suffixes are presented, the role of linguistic category of intensity and its influence upon the realization of the emotional axiological connotative meaning in these suffix are exposed. As an example of illustration of the declared propositions the psycholinguistic analysis of grammatical antithesis, taken from the art discourse is undertaken.

Ключевые слова: дискурс, языковые средства выражения эмоций, эмоциональная оценка, категория интенсивности, экспрессивность, грамматическая антитеза.

Key words: discourse, linguistic means of expression of emotions, emotional assessment, category of intensity, expressivity, grammatical antithesis.

В современной лингвистике актуально изучение языковой репрезентации явлений внутреннего мира, эмоций. Эмоции – это процесс оценки происходящего как полезного или вредного для живого организма. По сути, они отражают не свойства предметов и явлений мира, а отношение к ним и, следовательно, их значение для жизни. Как известно, ценность, оценка – наиболее важная часть картины мира, в том числе и языковой, она основывается на реальной значимости данной категории в жизни человека, и поэтому «исследование концептов психологических состояний и, в частности, эмоций – эта та область, которая определит развитие концептуальных исследований на далекую перспективу» [9, с. 64]. Эмоции обладают этноспецифичностью [8, с. 5], что обусловлено самыми разнообразными факторами экстра- и интралингвистического порядка [8, с. 6]. Выступая способом оценки и составляя мотивационную основу деятельности человека, эмоции не могут не отражаться в его дискурсивной практике, поэтому они всегда сопровождают речемыслительную деятельность, при этом каждое слово может получить оценочное значение. Если концептуализация происходит при помощи использования разноуровневых средств языковой системы, например грамматических, объективация эмоций осуществляется посредством разного рода суффиксов, в которых реализуется как дискретное количество, так и недискретное. Это объясняется тем, что интенсивность любого явления и отношение к нему взаимозависимы. За-

метим, что данная связь «выходит далеко за рамки количественно-градационной интерпретации происходящего и имеет большую практическую значимость, играет особо важную роль в категоризации и концептуализации знаний о мире и раскрывает важнейшие механизмы восприятия и фокусирования внимания, а также оперирования данными экспериментального опыта, которые, в свою очередь, и находят непосредственное, разнообразное и необыкновенно креативное представление в языке» [10, с. 133]. Кроме того, следует подчеркнуть, что количество соотносится скорее не с точной шкалой, а с жизненными ситуациями, а потому оценка количества часто психологизируется, субъективируется, превращается в аксиологизацию. Таким образом, в сознании количество оценивается, а не измеряется [10, с. 126].

Интенсификация описания или выражения отношения часто сопровождается гиперболизацией, в связи с чем об эмоциональности дискурса свидетельствует наличие в нем гипербол, литот и других средств интенсификации. Это можно объяснить тем, что «идеи деформируются под влиянием аффекта» [2, с. 8]. Однако анализ выразительных средств, используемых в различных дискурсах, показывает, что аксиологические значения, эмоциональное содержание достаточно часто могут быть репрезентированы также и при помощи антитезы, в частности грамматической. Грамматическая антитеза определяется как фигура, характеризующаяся тем, что ее компоненты — словоформы одной лексемы, противопоставленные лишь своими грамматическими значениями [11]. Конструкции с суффиксами субъективной оценки, часто встречающиеся в дискурсах разного вида, тоже можно отнести к разряду грамматических антитез, например: *Были беды, а сегодня бедки, / а ведь хнычет в каждом разговоре. / Маленькие личные победы / победили нас и раскололи* (Е. Евтушенко). В подобных оппозициях противопоставляются две формы одного и того же слова, так как суффиксы субъективной оценки являются формообразующими. Следовательно, они не образуют нового слова, а лишь меняют грамматическое значение данного. В конструкциях с противопоставлением словоформ с суффиксом и без него мы наблюдаем особую структурную организацию, которая воспринимается как новая, необычная, отклоняющаяся от нормы. Все эти определения относятся к выразительной экспрессивности, а значит, грамматическую антитезу можно отнести к этому разряду экспрессивных средств. Однако такое понимание выразительности детализирует структурный, но не углубляет функционально-коммуникативный аспект данного феномена. Более целесообразным является подход, «когда подробнее раскрывается функция выразительности» [11, с. 173]. Выразительность следует рассматривать как качество, характеризующее речь, способную привлечь внимание своей необычной организацией. Как известно, внимание адресата удерживается и сосредоточивается на необычной организации речи лишь в том случае, «если эта необычность, новизна сопоставляется с новизной содержания и если такое сопоставление позволяет найти в содержании новые элементы, новые представления... иными словами, когда необычная организация речи изображает новизну содержания, выступает не только как выразительное, но и изобразительное средство»

[11, с. 174]. В анализируемых примерах сопоставляются (противопоставляются) две словоформы (с суффиксом и без него): *В годы скитаний и унижений / Женкой был я – / не только Женей* (Е. Евтушенко), то есть используется частичный корневой повтор, а, как известно, для повторов наиболее характерна семантика эмоционального отношения говорящего к предмету речи. Таким образом, на базе повтора одной и той же словоформы с суффиксом субъективной оценки и без него появляются экспрессивные конструкции, то есть формы субъективной оценки имен существительных выступают как грамматические средства объективации психологического содержания. Механизм возникновения экспрессивности в подобных случаях заключается в реализации языковой категории интенсивности. Интенсивность связана с понятием недискретного количества, которое подлечит измерению и выражается при помощи измерения. При этом определяющей становится категория меры, так как она выражает единство количественных и качественных характеристик объекта. Мера, в свою очередь, указывает на предел, за которым количественные изменения ведут к изменениям качества объекта. Реализация категории интенсивности в оппозициях словоформ с суффиксом субъективной оценки и без него происходит благодаря особому расположению ее членов, а именно их противопоставлению. Подобное противопоставление возможно вследствие того, что с наращением суффикса происходит изменение слова, послужившего мотивирующей основой, его усиление. Это то же самое и вместе с тем другое слово, что ощущается особенно остро, когда оба они встречаются на небольшом отрезке текста: *Дорогая Вера Федоровна, большое Вам спасибо за письмо. Не спасибо, а спасибо – вот так!* (А.П. Чехов). В результате между словами возникают особые отношения. Действительно, даже формально слово становится длинней, ведь $A + \wedge$ (суффикс) больше, чем просто A . Кроме того, при присоединении суффикса к слову появляется еще и добавочное значение, так что слова начинают противопоставляться и семантически. В этом случае комбинация двух идей обращает на себя внимание, так как действует на наш слух и одновременно на сознание [2].

Следует особо подчеркнуть, что меняется только количественная семантика, качество же остается неизменным, то есть происходит интенсификация того или иного признака. По этому поводу Е. Курилович писал, что «значение производного слова стремится отодвинуть исходное слово в сторону противоположного значения». Так, исходное слово, от которого образовано уменьшительное, «приобретает – по контрасту со значением этого последнего – увеличительное значение» [6]. Заметим, что чем больше аффиксов добавляется к мотивирующему слову, тем более противопоставлено ему производное слово, что способствует повышению экспрессивности всего высказывания. Это соответствует мнению грамматистов о том, что увеличение количества прибавляемых суффиксов субъективной оценки ведет к повышению интенсивности значения, привносимого этими суффиксами. Например: *Сам думал: а почему был испуганный взгляд – за каретным стеклом: выпучились, окаменели, закрылись глаза; голова покачалась и скрылась; рука потряслась там безвластно, была не рука, а... ручоночка* (А. Белый). Как видим, в данном примере слова *рука* и *ручоночка*

противопоставлены. Во втором слове использован суффикс субъективной оценки третьей степени *-ночк-*, который способствует этому противопоставлению, увеличивающемуся также за счет употребления противительного союза *а* и отрицательной частицы *не* (усиливает отрицательную эмоциональность присоединение суффикса к слову женского рода). Интересно, что в этом примере многоточие перед словом *ручончка* еще больше отдаляет его от производящей основы *рука*. Е. Курилович назвал подобное явление поляризацией. Он указывал, что «склеивание» суффиксальных элементов «часто представляет собой не что иное, как явление противопоставления, в результате которого подчеркивается роль производного слова по сравнению с исходным» [6, с. 96]. Таким образом, эти слова становятся грамматическими антонимами, а антонимия часто используется для создания такой фигуры, как антитеза, которая повышает выразительность речи и способствует объективации эмоций в дискурсе. Центральное понятие языковой антонимии — противоположность соотносительных слов. Исследователи отмечают, что семантика антонимов «формируется не столько на отражении абсолютных (объективных) свойств, признаков и их отношений в реальной действительности, сколько на их оценке и сравнении относительно других». Следовательно, антонимы с точки зрения семантики представляют собой категории оценочные [7]. В этом смысле внутренняя сущность антонимии — оценка одного и того же с точки зрения противопоставления. При этом следует подчеркнуть, что противопоставление словоформ с суффиксом субъективной оценки и без него служит средством выражения не рациональных, а эмоциональных оценок. Соприкасаясь с реальной жизнью, объективные на первый взгляд «идеи пропитываются эмоциональностью», так как речь стремится передать субъективность мысли. Речь также отражает стремление человека к какой-либо цели: приказать, упрямить, попытаться добиться расположения, передать свое эмоциональное состояние, убедить и пр. [2, с. 30–31]: *Стихи, братец, вздор. Стихи гимназистам писать; стихи до сумасшедшего дома вашу братию, молодежь, доводят... Положим, что Пушкин, кто об этом! А все-таки стишки и ничего больше; так, эфемерное что-то...* (Ф.М. Достоевский). Информация эмоционального характера проявляется при нарушении норм употребления языковых единиц в речи, то есть усиление выразительности осуществляется путем отбора нестандартных, непредсказуемых языковых знаков или их комбинаций, что и происходит при параллельном использовании в тексте или высказывании одной и той же словоформы с суффиксом субъективной оценки и без него. Экспрессивность таких конструкций основана на эффекте обманутого ожидания. Используемые таким образом суффиксы субъективной оценки служат для выражения дополнительных коннотативных значений, тем самым передавая эмоциональную оценку. Это и позволяет им выступать в качестве экспрессивных средств. Интересно отметить при этом влияние гендерного компонента. Так, наиболее экспрессивными являются конструкции, построенные на противопоставлении словоформ женского рода с суффиксом субъективной оценки и без него, например: *Большой правде социальных движений он противопоставил свою личную правдёнку*. При этом существительные женского рода с суффиксом субъективной оценки чаще передают уничижительное значение, то есть выражают отрицательные эмоции.

В качестве экспрессивных средств грамматические антитезы часто встречаются в художественном, публицистическом и бытовом дискурсах, то есть там, где необходимо воздействовать на адресата определенным образом. При контрастном употреблении разных форм одного слова наиболее ярко реализуется категория интенсивности, что и ведет к большей экспрессивности и эмоциональности таких конструкций, например: *Вы сходите, мальчишки, от зависти с ума, но видел я итормишки, а вовсе не иторма* (Е. Евтушенко). Здесь проявляется специфика когниции человека, базирующейся на особенностях его психофизиологии и наиболее ярко отражающейся в восприятии такой фигуры, как антитеза. Дело в том, что отношения противопоставления, контраста в перцептивном плане более значимы, чем отношения сопоставления: они легко распознаются и, следовательно, быстрее воздействуют. Это было замечено психологами, изучающими внимание. Контраст контура предмета и его фона был выделен ими в качестве одного из факторов, влияющих на восприятие, повышающих внимание. Противопоставление компонентов антитезы может иметь три основных цели. Во-первых, нагляднее показать один из них, выделив его на фоне другого, например: не белый, а черный. В этих случаях говорят об акротезе. Во-вторых, представить оба компонента как части множества явлений и тем самым ярче представить себе все множество, например: и черные и белые. Данный эффект наблюдается в амфитезе. Наконец, чтобы четче изобразить промежуточные, средние звенья множества — не белый, но и не черный. В последнем случае речь идет о диатезе [3]. Среди грамматических антитез диатезы встречаются довольно редко. Амфитезы могут употребляться в данных конструкциях, но также не очень часто. Можно привести такой пример: *Кто в платке, а кто в платочке. / Как на подвиг, как на труд, / в магазин поодиночке / молча женщины идут* (Е. Евтушенко). Но большинство грамматических антитез с суффиксами субъективной оценки могут быть квалифицированы как акротезы, например: *Нет, это не факторы, а факторички* (из газ.) или ... *полугорничная, полувоспитанница. Ее и звали так средним именем — не Катька и не Катенька, а Катюша* (Л.Н. Толстой). В данной статье особенности грамматических антитез (построенных на противопоставлении словоформ с суффиксом субъективной оценки и без него), их возможности в объективации эмоционального плана содержания высказывания рассмотрим в основном на примерах акротез. Следует отметить, что главным средством образования грамматических антитез в дискурсе выступают уменьшительно-ласкательные суффиксы, присоединяемые к существительным.

Наиболее продуктивным среди уменьшительно-ласкательных суффиксов, используемых в грамматических антитезах, является суффикс *-к*, например: *Как река для ребенка — галька, / Дали — долька, не даль — а далька. / В детской памяти струнной, донной — / Даль с ручным багажом, даль донной* (М. Цветаева). В данном примере суффикс *-к* выступает в своем обычном уменьшительно-ласкательном значении, а интенсификация этого значения, возникающая при противопоставлении, ведет к большей экспрессивности высказывания. В другом примере этот суффикс способствует репрезентации эмоционального аксиологического содержания, так как его использование привносит оттенок уничижительности: *Настоящий мужчина*

– тот, кто говорит, что у женщины – «ножки». А который говорит – «ноги» – сам **мужчинка**. Или: *Разве это были деньги? Нет, это были денежки, копеечки, грошики* (из монологов К. Новиковой). В последнем примере наряду с отрицанием употребляется еще одно средство усиления грамматической антитезы – синонимы к одному из членов оппозиции. Идеографические синонимы к слову *денежки*, которые обозначают самые мелкие из денег, да еще с уменьшительным суффиксом, создают антонимичное противопоставление: *деньги – денежки* – и тем самым усиливают экспрессивность данной грамматической антитезы.

Не менее продуктивным в эмоциональном дискурсе является суффикс **-ишик**. Существительные, образованные при помощи этого суффикса, чаще имеют значение пренебрежительности, уничижительности, реже – ласкательности. В приведенных ниже конструкциях реализуется именно значение уничижительности, например: *Она права. Я думал, что мы люди, а мы людешки* (А. Рыбаков). Или: *Зевая, / мы играем, как в картишки, / в засаленные, стертые страстишки, / Боясь трагедий, / истинных страстей* (Е. Евтушенко). В последнем примере нет противительных союзов, грамматическая антитеза усилена определениями к обоим членам оппозиции: *стертые страстишки – истинные страсти*. Здесь интенсивность значения эмоциональной оценки, передаваемого суффиксом **-ишик**, возникающая при противопоставлении, усиливается и за счет использования определений.

Достаточно продуктивный суффикс **-онк** также встречается в художественном дискурсе. Хотя основным его значением является уничижительно-презрительное, в нашем примере (благодаря структуре антитезы «от меньшего количества к большему» и контексту) на первый план выдвигается скорее уменьшительное значение: *Девчонки машут с радостью такой! / Всегда у рельс найдутся те, которые / махнут – / пускай ручонкой, / не рукой* (Е. Евтушенко).

Антитезы часто строятся также при помощи суффиксов субъективной оценки **-ок / -ик**, например: *Был круг идей. / Проверили – кружок. / Был грозный Бог. / Проверили – божок* (М. Сергеев). В этом примере суффикс **-ок** кроме уменьшительного приобретает также характер уничижительности, вероятно, в связи с интенсификацией значения уменьшительности, возникающей при противопоставлении словоформ с суффиксом уничижительности и без него. Кроме того, в антитезе *бог – божок* благодаря суффиксу субъективной оценки возникает дополнительный оттенок значения: *Бог истинный – языческий божок* (маленький идол, кумир). Приведем еще один пример: *Выскочил поп из-под навеса без шапки, в одном подряснике, да и не поп это, а так – маленький-маленький пошник, будто сморчок* (А. Белый). Интересно, что здесь антитеза на базе оппозиции словоформ *поп – пошник* приобретает иронический характер. Это происходит вследствие интенсификации грамматического значения количества при помощи языковых средств разных уровней. Использованный суффикс передает уменьшительное значение, которое подчеркивается расположением словоформ с суффиксом и без (их оппозиции), а также благодаря употреблению отрицательной частицы и противительного союза. Кроме того, значение уменьшительности в словоформе с суффиксом **-ик** усиливается лексическим повтором *маленький-маленький* и сравнением *будто сморчок*.

Перечисленные выше суффиксы встречаются наиболее часто, но есть суффиксы субъективной оценки, употребляющиеся для объективации эмоций в грамматических антитезах в единичных случаях. Таков, например, суффикс *-ец*. В этом суффиксе еще ярче, чем в суффиксе *-ик*, на первый план выступают оттенки ласкательности, сочувствия, смирения, унизительности, презрения и фамильярного участия [4]. Заметим, что подобная семантическая разноплановость данного суффикса (то есть возможность передавать с его помощью противоположные эмоциональные состояния) обусловлена континуальной природой самих эмоций, их способностью к реполяризации. В анализируемых нами грамматических антитезах суффикс *-ец* в большинстве случаев используется для вербализации такой эмоциональной оценки, как презрение: *Как и тогда, / как много лет назад, / Благоухает нам вишневый сад, / Где чувства стали жертвой жалких чувствец* (И. Северянин). В грамматических антитезах этот суффикс чаще приобретает значение отрицательного эмоционального отношения, вероятнее всего, в связи с усилением в его значении семы «уменьшенное количество», а также из-за контактного противопоставления словоформ с суффиксом субъективной оценки и без него. Причем это противопоставление еще более обостряется из-за присоединения суффикса *-ец* к существительному во множественном числе.

Непродуктивный суффикс *-ц* также может использоваться в грамматической антитезе для объективации эмоционального плана содержания высказывания, например: *Белокудрый мальчонок, надев колпачок из бумаги, взбирался на шею; и Аполлон Аполлонович подносил это тельце ребенка к вот этому зеркалу, где отражались старый и малый, и показывал мальчику отражения: — «Посмотри-ка сыночек: чужие там... Коленка плакал, кричал по ночам. А теперь? Аполлон Аполлонович видел тело: чужое, большое... (А. Белый). Члены антитезы *тельце — тело* находятся на значительном расстоянии друг от друга. Тем не менее чувствуется противопоставление. Суффикс *-ц* имеет здесь уменьшительно-ласкательное значение, в то время как определения *чужое* и *большое* при слове *тело* придают последнему еще более увеличительное и «неласкательное» значение. Так образуется яркая антитеза. Интересно, что слово *тельце* подкреплено еще одной грамматической фигурой — градацией *мальчик — мальчонок*. Суффикс *-онок* — экспрессивный суффикс третьей степени с ярко выраженным ласкательным значением. Этот суффикс, присоединенный к слову мужского рода, призван передать в данном примере всю любовь отца к маленькому сыну. Как отмечалось ранее, суффикс третьей степени встречается и у слов женского рода: «...*была не рука, а... ручоночка*». В. В. Виноградов указывал на оттенок фамильярной усиленной ласки в суффиксе *-онок* [4]. Однако в последнем примере слово с рассматриваемым суффиксом получает скорее уменьшительно-пренебрежительное значение. Подобное значение, вероятно, приобретает из-за присоединения данного суффикса к слову женского рода. В такой антитезе в результате интенсификации значение «фамильярная ласка» трансформируется в значение «пренебрежение, презрение». Скачок в количественной характеристике признака передает явную нереальность высказывания и привлекает внимание, причем яркость чувств по отношению к объекту, субъекту или его признаку влияет на способ указа-*

ния количественной характеристики и часто порождает желание преуменьшить или преувеличить. Привычное, как известно, не привлекает к себе внимание, оно нейтрально. В свою очередь, отклонение от нормы ведет к экспрессивности, поэтому довольно часто для создания грамматической антитезы используется увеличительный суффикс *-ище*, например: *Толстой-то, Толстой! Это, по нынешним временам, не человек, а человечище, Юпитер* (А. П. Чехов). В данном примере увеличительное значение словоформы *человечище* по сравнению с *человек* очевидно. Здесь яркое противопоставление достигается еще и потому, что в антитезе употреблен противительный союз *а*, отрицание *не* перед первым членом оппозиции и, наконец, определение, выраженное приложением, — *Юпитер* — перед вторым. Таким образом, антитеза «подкреплена» сразу тремя дополнительными средствами. Как видно из примеров, категория интенсивности предназначена для качественно-количественной характеристики явлений с целью дать их экспрессивную оценку. Частое использование отрицательных частиц в грамматических антитезах объясняется тем, что отрицание в целом более эмоционально, чем утверждение. Замечено, что отрицательные предложения встречаются в среднем во много раз реже, чем утвердительные, следовательно, их появление оказывается особо информативным. Большая выразительность этих конструкций обусловлена и тем, что отрицание позволяет сделать фразу предельно лаконичной [1].

Делая выводы, необходимо подчеркнуть, что категория интенсивности «сигнализирует» о выразительности. Следовательно, введение в высказывание интенсификаторов создает экспрессивность дискурса и способствует объективации в нем разноmodalных эмоций. Выбор говорящим конкретных средств интенсификации субъективен, причем он по большей части падает на ненормированные средства. Так, в грамматических антитезах для создания яркой оппозиции могут быть использованы не только суффиксы субъективной оценки или уменьшительные и увеличительные суффиксы, но и суффиксы, выражающие значение собирательности, при этом они для большей интенсификации оппозиции грамматических значений могут присоединяться к конкретным именам существительным в форме множественного числа, например: *Были мы люди, а стали людье...* (О. Мандельштам).

Воздействие эмоциональной оценки построено на механизме «заражения», «эмоционального резонанса». Ответные чувства может вызвать только нечто необычное, новое, ненормативное. Обычные же явления оставляют нас равнодушными. Известно, что на уровне нормы передается основная интеллектуальная информация, а при нарушении норм употребления языковых единиц в речи возникает информация эмоционального характера, поэтому всякое нарушение нормы в тексте, высказывании может стать источником эмоционального воздействия. Как подчеркивал Ш. Балли, именно различие — это «основная пружина экспрессивности», которая всегда предполагает некую аномалию. В этом плане «очень нерегулярные языки (например, современный русский) уже сами по себе предоставляют говорящим больше стилистических ресурсов, чем языки с жесткими правилами...» [2, с. 124]. В описанных конструкциях интенсификация значения слова, создаваемая

при помощи формообразующих суффиксов, ведет к поляризации значений разных форм одного слова. Реализация категории интенсивности в данных оппозициях словоформ обеспечивает их экспрессивность, тем самым способствуя передаче эмоциональной оценки. При этом противопоставление словоформ с суффиксами субъективной оценки и без них подкрепляется разнообразными лексическими и грамматическими средствами, что еще больше усиливает выразительность данной конструкции.

Таким образом, анализ экспрессивных средств грамматического уровня языка показывает, что человек, который стремится выразить свою мысль или хочет навязать ее другому, может достичь желаемого лишь искажая действительность и отступая от истины. Чтобы стать выразительной, как отмечал Ш. Балли, «речь должна без конца деформировать идеи, преувеличивая или преуменьшая, переворачивать их, переводить в другую тональность» [2, с. 31]. При этом экспрессивный дискурс, транслирующий эмоциональное значение, может формироваться в коммуникативном акте при помощи не только лексической, но и грамматической семантики.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М., 1990.
2. Балли Ш. Язык и жизнь. М., 2003.
3. Брагина А. А. Синонимия и языковая норма // Сборник научных трудов МГПИИЯ. 1974. Вып. 18. С. 94–115.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
5. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М., 2008.
6. Курилович Е. О природе так называемых «аналогических» процессов // Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 92–121.
7. Новиков Л. А. Антонимия в русском языке. М., 1973.
8. Пименов Е. А. Концепт *Hoffnung* (надежда) в немецкой языковой картине мира // Мир человека и мир языка. Кемерово, 2003. Сер. Концептуальные исследования. Вып. 2. С. 266–274.
9. Пименов Е. А. Концепты эмоций: перспективы исследования национальных культур // Язык. Этнос. Картина мира. Кемерово, 2003. Сер. Концептуальные исследования. Вып. 1. С. 59–65.
10. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М., 2005.
11. Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика. Ростов н/Д, 1999.

Об авторе

Самигулина Фанира Габдуллоевна – канд. филол. наук, доц., Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.
E-mail: fanira@mail.ru

Author

Samigulina Fanira – PhD, Ass. Prof., Southern Federal University, Rostov-on-Don.
E-mail: fanira@mail.ru